

# ЗОЛОТАЯ ССЫЛКА

Когда Володя Науменков приехал в Тилички летом 1967 года, наш райцентр не был каким-то "глухим углом", хотя это дальний Север Камчатки. Много было молодежи, просто интересных людей, ведь тогда на "край света" ехали большей частью романтики, и среди них журналисты, врачи, учителя, инженеры - интеллигенция, они умели не только хорошо, по-настоящему творчески работать, но и сообща отдыхать.

Володя внес своеобразную струю в наш круг, в жизнь всего села. Все село приобщил к поэзии (даже моя младшая сестра, которая до того стихов вообще не читала, увлеклась, правда, Асадовым), стал устраивать вечера поэтические. Читал стихи на этих вечерах, а читал он необычно - разгоряченно, было такое ощущение, что слушаешь музыку: так хорошо.

И вообще он был не такой, как все, в нем была какая-то нежность, глаза необыкновенные - смотрел понимающе, никогда ни о ком плохого не говорил, никого не судил, абсолютно не было пошлости. Чистый человек.

Природу он воспринимал... Как будто слился с ней. Столько восторгов было. А наше село, то ли место такое: столько любви, и с тундры пахло багульником, запах такой пьянящий; я сама с трудом уехала оттуда. Володя же прожил у нас два с половиной года, что-то потом на работе не сложилось, они сразу несколько человек оставили редакцию, из-за чего не знаю...

И все время, пока он жил в Тиличках, дом его всегда был открыт для всех. В любой момент днем и ночью мог прийти друг, товарищ, хорошо знакомый или малознакомый, коряки гурьбой могли ввалиться с ответным визитом после его командировки в табуны по заданию газеты.

Часто мы собирались у Володи. Наша компания: Толя Алаторцев, экономист, Зина Кузнецова с мужем Сашей Максименко, журналисты... А Женя Лаптев, так тот жил у Володи - оба голубоглазые, холостые, ходили по деревне... Женя был мягкий по натуре, совсем не приспособленный к житейскому быту. Володина мама Ольга Федоровна обихаживала и его, как сына. Лаптев работал тоже в газете "Заря коммунизма" и тоже писал стихи.

Я до приезда Володи Науменкова мало что соображала в поэзии, хотя мы с ним были

почти ровесники. Ни Есенина, ни Блока в школе в мои годы не изучали, а только Маяковского. Все это я услышала от Володи. Нередко читал он и Евтушенко.

Науменковские стихи меня притягивали, я впитывала в себя их. Интересно было, ново. И не только лирические, - о природе, об Иване Грозном, о Сталине. Мне очень нравятся его стихотворения (они, правда, написаны позднее) "Осенняя сказка", "Барьер отчужденности". А тогда, в 1968-м, Володя создал замечательные стихи об олюторской тундре:

Своими распадками-струнами  
мне будет звенеть и звенеть  
полувысохшая, рыжая тундра,  
не оттаявшая в глубине.

Здесь над тундрой рано никнут,  
словно знают - в снега полягут  
стебли тонкие ягод княженики  
и фонарики волчьих ягод.

Я стоял, осененный не яркостью  
этих мест, не оттаявших к осени,  
а последней пронзающей ясностью  
той, что тундра осенняя носит.

Был костер из деревьев погибших,  
и русалка с грибами была,  
чье дыханье над тундрой парило  
в торжестве своего естества.

Шло в костре полыхание Севера,  
до весны в небеса уходило,  
оставляя мне тундру осеннюю  
в седине горьковатого дыма.

Помню, он ходил и напевал: "Забытые причалы, забытые причалы..." Слышала, что на эти стихи сочинена музыка и есть песня. И еще Володя часто, очень часто читал нам, "замучил" нас "Прощанием славянки" - видно, не отпускала печаль по вынужденному уходу с Флота.

Но в Тиличках, по-моему, он ощутил чувство свободы творчества, и на работе его ценили. Эта часть жизни Науменкова была у него золотой и в творчестве, и вообще, и в личном плане тоже. Он многим нравился, но главное для него была свобода. Думал, едет на Север в ссылку, а попал на "пяточок свободы", как тогда мы называли наши Тилички...

Валентина ПАВЛОВА